

Юлия Захарова

ОТЕЛЬ «ГРЁЗЫ»

УДК 82-312.9
ББК 84-445
3-38

3-38 **Захарова Ю.**
Отель "Грёзы" / Юлия Захарова – М.: Литнет, 2025. – 258 с.

ISBN 978-5-521-94200-8

12-ти летний Егор с семьей, попавшей в неприятности в чужом городе, укрывается на ночь в отеле «Грезы». На утро мальчик обнаруживает, что его родители пропали. Вскоре Егор понимает, что его небольшое приключение в отеле превращается в настоящий кошмар, и ему предстоит столкнуться с потусторонними силами, сразиться с настоящим злом, которое обитает в отеле, чтобы спасти родителей от смерти.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94200-8

© Литнет, 2025
© Ю. Захарова, 2025

Пролог

Тяжелая железная дверь открылась с пронзительным металлическим визгом и глухо ударилась о толстую каменную стену подвального помещения. Густую промозглую тьму рассек тусклый свет масляного фонаря в руке высокого, слегка сутулящегося человека, который появился в дверном проеме. Он переступил порог, выждал, пока глаза привыкнут к темноте. На нем его обычные мешковатые штаны из грубой ткани, заправленные в высокие сапоги, собранные гармошкой на голенище и темный кожаный пыльник, тяжелый и массивный, под которым даже его мощная фигура как будто просела. Может оттого он и сутулился.

Человек выставил перед собой руку с фонарем, островок света переместился вперед, а темнота плотнее окутала вошедшего. По помещению пронесся металлический лязг. Это он по традиции оповестил обитателей подвала о своем появлении ударом цепью о железные прутья, как будто без этого его появление могло остаться незамеченным. Но человек все равно делал это каждый раз, заставляя пленников от страха вжиматься в холодные стены своих тесных камер.

Человек с фонарем медленно двигался по темному подвалу, бряцая по полу цепью и выхватывая из темноты перепуганные бледные лица узников. Тусклый огонек странным образом вытягивал тень фигуры идущего, и когда он проходил мимо, то казалось, что заходил в каждую камеру. Но он шел, не останавливаясь, лишь усмехаясь вздохам облегчения позади себя.

Человек передвигался медленно, сильно прихрамывал на правую ногу, подволакивая ее при каждом шаге. Хотя травма и была старой, но при ходьбе она вызывала жгучую боль, и лицо человека с фонарем искажалось мучительной гримасой, от чего он выглядело еще более зловеще.

Наконец он остановился у одной из камер, несколько секунд

постоял, раздумывая, медленно повернулся к решетке и просунул через нее руку с фонарем. Свет выхватил сидящего на голом бетонном полу изможденного узника – худого мужчину, обросшего, в грязной и рваной полосатой пижаме.

Мужчина с ужасом смотрел на остановившийся посреди камеры огонек фонаря, как будто не веря, что он здесь. Наконец к нему пришло осознание, и глаза расширились от ужаса. Узник вжался в угол камеры, подтянул колени к телу и вцепился костлявыми пальцами в бетонный пол. Из его горла вырвался ни то стон, ни то всхлип.

Со скрипом поднялся тяжелый засов, распахнулась дверь решетки, фонарь подплыл к узнику и замер в паре сантиметров от его лица. Узник, как зачарованный, не сводил глаз с пляшущего огонька пламени. Он не заметил, как со свистом взмыла вверх металлическая цепь, как она опустилась на его голову. Он не слышал хруста ломающегося черепа, а если и слышал, то не осознавал, что этот звук издавали его кости. Все вокруг перестало существовать, кроме этого маленького пляшущего огонька, да и тот через мгновение исчез.

Человек с фонарем взвалил окровавленное бессознательное тело узника себе на плечо и вышел из камеры, задев цепью за открытую дверь решетки. Запирать ее нет смысла. В этой камере больше никто не жил.

Человек возвращался обратно той же дорогой, и его тяжелая поступь эхом разносилась по подвалу. Позади него больше не слышались вздохи облегчения. В подвале вообще больше не осталось других звуков, кроме звуков его шагов. Страх умеет сковывать человеческое тело так, что можно даже разучиться дышать. И лишь когда огонек от фонаря скрылся за тяжелой входной дверью, которая с грохотом захлопнулась, снова погрузив подвал в непроглядную тьму, звуки за решетками ожили. Кто-то начал дышать, кто-то плакать, кто-то истерично смеяться, потому что сегодня открылась решетка другой камеры...

Глава 1

Егору Смолякову Питер не понравился сразу. Еще в тот момент, когда он спустился с поезда на перрон Московского вокзала, нутром почувствовал, что ничего хорошего его в этом городе не ждет. Его приятель Петька мечтал побывать в Питере, увидеть величественные дворцы и храмы, прогуляться по Невскому проспекту, посетить Эрмитаж и Мариинский театр, увидеть, как разводят мосты... Сам же Егор никуда ехать не хотел, а музеи и театры его вообще никогда не привлекали.

Когда Егор сообщил другу, что переезжает с родителями в Санкт-Петербург, Петька чуть не лопнул от зависти, но напутствовал Егору обязательно кинуть монетку чижику-пыжику и сфотографировать для него уродцев из кунсткамеры. Последние Петьку особо будоражили. Егор пообещал все сделать, а то ведь не отвяжется.

В городе семья Смоляковых была уже третий день, но ни в какие театры и музеи они не ходили. Все как-то сразу пошло не по плану, но кто бы сомневался? Егор ведь предупреждал маму, чтобы не шла у отца на поводу и не ввязывалась в его очередную авантюру. Не послушала. Да и кто станет всерьез прислушиваться к словам двенадцатилетнего мальчишки? И вот теперь они буквально остались на улице чужого города практически без средств к существованию. И самое страшное, что пути назад не было. Отец, как всегда, сжег за собой мосты. Как же Егор сейчас его ненавидел за это!

Егор прибавил громкость в своих наушниках, чтобы заглушить голоса родителей. Он уже ускорил шаг, чтобы оторваться от них, но ругань все равно доносилась до его ушей. Последние два дня они ругались, не переставая.

Отец Егора, Юрий Петрович, сорокалетний худощавый мужчина в очках, с редкими рыжеватыми волосами, зачесанными так, чтобы скрывать только начавшую формироваться лысину, держал

в руках развернутую карту города и на ходу пытался определить свое местоположение. У него на плече висела огромная спортивная сумка, набитая до отказа вещами, которые они взяли с собой на пмж в Питер. Только самое необходимое. Все остальное, нажитое непосильным трудом, пришлось оставить в старой квартире новым владельцам. Он заверил семью, что после переезда все им возместит. Очередное невыполненное обещание...

Наталья, жена Юрия Петровича и мама Егора, тридцатипятилетняя, еще молодая, но уже уставшая от разочарований жизни женщина, катила по мощеному тротуару небольшой чемодан, в котором была аккуратно сложена одежда всех членов семьи и по одной дополнительной паре обуви, повседневной, самой удобной. Правда, Наталья в последний момент все же впихнула в чемодан любимые туфли. Вдруг они наконец выберутся в театр. Не в кедах же идти! Из-за этого пришлось выложить старые кроссовки Егора. Он все равно их не носит.

Юрий Петрович оторвался от карты и обернулся к жене.

– Сейчас дойдем до перекрестка и направо. Там есть еще пара отелей. Узнаем, может там есть подходящий номер... – Юрий Петрович указал рукой направление. – 7500 за ночь! Озверели они что ли в этом Питере?! Да за такие деньги я могу на месяц жилье снять!

Наталья хмыкнула.

– Где? В каком-нибудь Мухосранске?

– Да не важно где! – Юрий Петрович махнул на нее рукой. Никогда жена его не поддерживала.

– Какой позор! Эта администраторша смотрела на меня с таким презрением... – Наталья поморщилась, вспоминая неприятный инцидент в последней гостинице, где они пытались остановиться, но ее муж устроил скандал из-за слишком, по его мнению, высокой цены за номер.

– Да забудь! Сейчас другую гостиницу найдем, устроимся, отдохнем. Все будет хорошо!

Наталья резко остановилась, презрительно посмотрела на мужа. Юрий Петрович тоже был вынужден остановиться.

– Меня поражает твой оптимизм!

Егор на ходу поправил рюкзак, в который уместились практически все его личные вещи – старенький планшет, пара комиксов и коллекция анимэшных фигурок. Вот и все пожитки подростка. Он обернулся, увидел, что родители снова сцепились, закатил глаза и тоже остановился.

На улице начал накрапывать противный мелкий дождь. Егор поежился, втянул голову в плечи. Эта промозглая погода его уже порядком достала. Все на свете бы сейчас отдал, чтобы снова оказаться дома, где весна отождествлялась с цветущей зеленью и ласковым солнышком, а если шел дождь, то это был ливень с громом и грозой, разверзающей небо, а не вот эта морось посреди сплошных каменных джунглей.

Егор снял наушники, прислушался издали к разговору родителей.

– Это с чего же вдруг все станет хорошо? Мы по твоей милости остались с ребенком на улице. Ни жилья, ни денег...

Юрий Петрович болезненно поморщился.

– Я найду нормальную работу!

– Я эту историю месяц назад слышала, когда купчую на квартиру подписывала, согласившись на твою авантюру. – Наталья угрожающе сложила руки на груди. – Да ты за свою жизнь ни одного дела до конца не довел!

– Ну хватит! Я же не виноват, что они оказались мошенниками.

Юрий Петрович развернулся и пошел к сыну, который с усталым безразличием рассматривал витрину магазина. Наталья подхватила чемодан и поспешила вслед за мужем. Разговор был еще не окончен.

– А ты никогда не виноват! У тебя всегда есть оправдания. Звезды не так сошлись...

Егор заметил лежащую у магазина под козырьком бездомную

собаку. Видимо, ей тоже не нравился дождь, поэтому она нашла себе сухое место, устроившись под навесом и мешая покупателям входить и выходить из магазина. Но, судя по всему, ее это совсем не волновало. Как только закончится дождь, собака отправится дальше по своим делам.

Мальчик посмотрел на собаку, и вдруг осознал, как сильно в этот момент они с ней были похожи. Он сейчас был таким же бездомным, мокрым и голодным, как эта псина. Егор обшарил карманы, достал из ветровки недоеденный бутерброд, завернутый в вощеную бумагу, присел на корточки. Собака, почуяв запах колбасы, ожилилась, заинтересованно посмотрела на мальчика и начала осторожно повивать хвостом. Егор развернул остатки бутерброда, протянул собаке. Бутерброд тут же исчез в розовой зубастой пасти.

Егор смял бумагу, выбросил в урну. Собака, поняв, что больше у мальчика ничего для нее нет, потеряла к нему интерес и отвернула голову, провожая взглядом выходящих из магазина посетителей. Вдруг еще что обломится?

Рядом с Егором поравнялись родители. Теперь отец выглядел воинственно, а мама пыталась с ним о чем-то договориться. У них постоянно так было. Сначала один нападал, второй защищался, а потом они менялись ролями. Егор обреченно вздохнул.

– Юр, пожалуйста, давай поедem к моим родителям. Они нам помогут. – Наталья сделала очередную попытку вразумить мужа.

– Я сказал – нет! Наш дом теперь здесь. Я не стану больше унижаться перед твоим отцом. Сказал, найду работу, значит найду! Никто никуда не едет!

Если бы в этот момент перед Юрием Петровичем был стол, он непременно шарахнул бы по нему кулаком со всей силы. Но стола перед ним не было, поэтому он со всего размаху бросил спортивную сумку на тротуар. Раздался звук, как будто внутри что-то разбилось.

– Ты все-таки взяла эту вазу?! – На лице Юрия Петровича в счи-

танные секунды несколько раз сменилось выражение, от гнева до страха.

– Это бабушкина ваза! Все, что мне от нее осталось! Это память...

– Была... – Юрий Петрович вдруг как-то весь сжался, скукожился под испепеляющим его взглядом жены.

Егор закатил глаза, отвернулся от снова ссорящихся родителей и вдруг заметил переливающуюся разноцветными огоньками вывеску, а под ней привлекательный рекламный стенд.

– Эй... Смотрите! – Егор указал пальцем на рекламу.

Родители перестали ругаться и устремили взгляды туда, куда указывала рука Егора.

– Отель «Грезы», – прочитала название Наталья. – ТОЛЬКО СЕГОДНЯ ТРЕХМЕСТНЫЙ НОМЕР ЛЮКС ВСЕГО ЗА 1000 РУБЛЕЙ!

Юрий Петрович радостно хлопнул сына по плечу.

– Да мы везунчики! Я ж сказал найдем!

Наталья выглядела озадаченной. В то, что они везунчики, она давно уже не верила. Обычно все было ровно наоборот.

– Ага, конечно, люкс за тысячу рублей. Такой же развод, небось, как и твоя работа с зарплатой в полмиллиона...

Егор нетерпеливо приплясывал перед стендом.

– Мам, а вдруг правда? Идем, я уже весь мокрый.

– Ну не знаю...

Егор подпернул рюкзак за спиной, махнул на родителей рукой, взялся за металлическую ручку тяжелых старинных дверей, дернул ее на себя. Двери с легкостью поддались, гостеприимно распахиваясь перед мальчиком и приглашая его войти. Егор, недолго думая, исчез внутри. Родителям ничего не осталось, кроме как последовать за ним.

Глава 2

Атмосфера в вестибюле отеля с романтическим названием «Грезы» была совсем не романтической. Это место сразу вызывало чувство обреченности и безысходности, наполняло грудную клетку непреодолимой тоской и сжимало сердце от жалости к самому себе. Глядя первый раз на обшарпанные стены, потрепанную мебель, мрачный антураж, посетителям хотелось тут же выскочить обратно, под пасмурное небо и мерзкую морось, но они не делали этого, потому что понимали, что большего они и не достойны, что их место было здесь... И эти чувства испытывали все постояльцы отеля «Грезы», это их всех объединяло, в этом они были похожи, а других постояльцев это место никогда не видело. Но это даже и к лучшему...

Егор остановился посреди вестибюля и уперся взглядом в огромное, от пола до потолка, зеркало в старинной резной раме. Оттуда на него смотрел щуплый сутулящийся мальчишка, с соломенного цвета взлохмаченными отросшими волосами, с разбросанными по всему лицу подростковыми прыщами, с пронзительными карими глазами взрослого человека, руки по запястья были спрятаны в потертые временем джинсы, тонюсенькая шея торчала из черной толстовки с капюшоном, покрытой катышками, за спиной висел большой рюкзак, в котором было все, что ему осталось от старой жизни.

Позади Егора в отражении появились запыхавшиеся родители. Мама осмотрела жутковатый вестибюль, обставленный безвкусной старинной мебелью, сморщилась от отвращения. Зато отец выглядел довольным. Тысяча рублей за ночь давали ему приличную фору, чтобы исправить ситуацию, в которую он втянул свою семью.

– Я бы сказал – неплохо! – Юрий Петрович понизил голос и практи-